

Кабинина Надежда Владимировна

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный консультант:	доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН <u>Матвеев Александр Константинович</u>
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Голомидова Марина Васильевна доктор филологических наук, профессор Муллонен Ирма Ивановна доктор филологических наук, профессор Мызников Сергей Алексеевич
Ведущая организация:	Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Защита состоится 14 марта 2012 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной библиотеки ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. К сегодняшнему дню история изучения топонимического субстрата Русского Севера (РС) насчитывает более полутора столетий. Благодаря труду нескольких поколений лингвистов, за это время получены очень значительные результаты: сформировано представление об основных этноязыковых пластах субстратной топонимии РС, раскрыто значение множества древних финно-угорских названий, охарактеризованы особенности исторического контактирования финно-угорского и русского населения. Важнейшим итогом многолетних исследований явилась составленная А. К. Матвеевым крупномасштабная лингвоэтническая карта Русского Севера, отражающая состав и локализацию финно-угорских этнических сообществ на период, непосредственно предшествовавший их полному обрусению¹.

Столь значимые результаты, однако, ни в коей мере не говорят о конечном этапе изучения финно-угорского субстрата РС – напротив, в последние десятилетия в этой области топонимастики ясно обозначились новые перспективы, связанные с движением вглубь, с переходом исследований на субрегиональный и микрорегиональный уровни, что со временем позволит представить детализированную лингвоэтническую карту РС и дать тем самым более точную и полную версию этнической истории региона². Эта перспектива глубоко созвучна общему контексту современных историко-топонимических исследований, ведущихся в разных регионах России и представленных в работах И. В. Азаровой, А. П. Афанасьева, В. Л. Васильева, В. И. Вершинина, В. М. Воробьева, О. П. Воронцовой, И. С. Галкиной, А. С. Герда, Г. И. Глебко, Л. М. Дмитриевой, Т. Н. Дмитриевой, Г. Дьени, Р. Г. Жамсарановой, Е. В. Захаровой, О. Л. Карловой, Г. М. Керта, Т. И. Киришевой, Г. Ф. Ковалева, И. В. Крюковой, А. В. Кузнецова, Д. В. Кузьмина, Н. Н. Мамонтовой, Л. В. Михайловой, И. И. Муллонен,

¹ См.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 330.

² См.: Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопр. языкознания. 1989. № 1. – С. 77–85.

А. Г. Мусанова, С. А. Попова, Я. Саарикиви, Г. П. Смолицкой, В. И. Супруна, А. И. Туркина, Е. А. Хелимского, А. Л. Шилова и др.

В этом постоянно развивающемся общероссийском научном контексте, равно как и в более частном контексте изучения топонимического субстрата РС, представляется очевидной **актуальность** и данной работы, которая посвящена субстратной топонимии Архангельского Поморья – крупного и исторически значимого севернорусского региона, прилегающего к побережью Белого моря в пределах современной Архангельской области.

Объектом исследования является засвидетельствованная на территории Архангельского Поморья субстратная топонимия финно-угорского происхождения, **предметом** – этноязыковые источники этого топонимического слоя.

Цель работы – этимологическая и этноисторическая интерпретация субстратных названий финно-угорского происхождения, относящихся к территории Архангельского Поморья.

В соответствии с целью в диссертации решались следующие **задачи**:

1. Разработка целостной модели и методики исследования регионального топонимического субстрата.
2. Систематизация топонимического материала.
3. Систематизация имеющихся лингвистических и внелингвистических данных, необходимых для этимологической интерпретации топонимов финно-угорского происхождения.
4. Этимологический анализ субстратных топонимов.
5. Лингвогеографический анализ субстратного материала.
6. Выявление на региональном материале разноуровневых языковых закономерностей, значимых для этимологизации топонимического субстрата.
7. Этноисторическая интерпретация топонимических данных.
8. Воссоздание подробной региональной карты, отражающей состав и локализацию финно-угорских этнических групп в эпоху, непосредственно предшествовавшую их обрусению.

Основную часть **материала**, на котором базируется исследование, составляют данные картотек Топонимической экспедиции УрГУ (ныне УрФУ). Наряду с полевыми данными к исследованию были привлечены разнообразные региональные исторические документы XIII–XX вв.: монастырские и церковные акты, переписные и хозяйственные книги, географические описания, карты и планы, статистические издания, записи краеведов и путешественников, списки сельхозугодий и др. В целом по источникам всех типов корпус субстратных топонимов Поморья составил около 1 600 названий, из которых в этимологическом и этноязыковом отношении в диссертации рассмотрено более 1 200.

Методы, примененные в исследовании, большей частью вполне традиционны для работ по исторической топонимике. Ключевыми в их кругу являются этимологический и лингвогеографический методы, которые по определению предполагают участие целого ряда частных видов анализа: фонетического, структурного, семантического, типологического и др. В то же время в работе использованы методы и приемы, которые в топонимике пока широко не применялись. Это прежде всего предложенный А. К. Матвеевым метод семантического моделирования, предполагающий идентификацию ряда субстратных топооснов путем перевода на финно-угорские языки базовых компонентов русской топонимической системы³. В диссертации этот метод модифицирован в соответствии с диалектно-региональным характером материала: компоненты русской топонимической системы не переводятся на финно-угорские языки, но изначально и последовательно служат семантико-типологической основой этимологического анализа. Топонимический субстрат при этом инкорпорируется в идеографическую сетку русских названий, что позволяет не только аргументировать этимологии с семантической стороны, но и выявить межъязыковые региональные универсалии и уникалии, проследить общие и различные черты финно-угорского и русского топонимического видения.

³ См.: Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // *Вопр. языкознания*. 1976. № 3. – С. 58–73.

Научная новизна работы в значительной мере определяется как особенностями описанной выше методики, так и введенным в оборот топонимическим материалом, который в целом проанализирован впервые. В диссертации выполнена системная этимологизация топонимического субстрата Архангельского Поморья, выявлен ряд новых фонетических, морфологических и семантических черт субстратной топонимии. На этой основе в работе предложена реконструкция этнической истории Архангельского Поморья, воссоздана подробная древняя лингвоэтническая карта региона. Применение новаторской методики позволило внести существенные коррективы в бытующие научные представления о характере исторического взаимодействия русского и финно-угорского населения исследуемой территории.

Теоретическая значимость диссертации состоит прежде всего в разработке проблем топонимастики, связанных с соотношением и взаимодействием исконно русской и субстратной топонимических систем, семантической типологией топонимов, своеобразием региональных традиций топонимической номинации. Решение этих проблем, в свою очередь, вносит теоретический вклад не только в топонимастику, но и в общую оноματοлогию, оноماسиологию, этимологию, этнолингвистику, когнитологию, теорию языковых контактов.

Практическая ценность исследования. Материалы диссертации внедрены в учебную практику УрФУ в курсах «Введение в языкознание» и «Древнерусский язык», используются в коллективной лексикографической работе кафедры русского языка и общего языкознания УрФУ. Топонимический материал и выводы исследования могут быть использованы в курсах истории русского языка, русской диалектологии, истории, в спецкурсах по русской топонимии, этимологии, этнолингвистике, ономасиологии, когнитологии, краеведению. На основе диссертационной работы возможна подготовка этимологического словаря поморской топонимии финно-угорского происхождения.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ (г. Екатеринбург). Основные положения и результаты работы представлены в виде докладов на 10 научных

конференциях: 5 международных («Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы». Сыктывкар, 2000; «Лингвокультурологические проблемы толерантности». Екатеринбург, 2001; «Русская диалектная этимология». Екатеринбург, 2002; «Ономастика в кругу гуманитарных наук». Екатеринбург, 2005; «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Екатеринбург, 2009) и 5 зональных («Русская диалектная этимология». Свердловск, 1991; «Проблемы региональной русской филологии». Вологда, 1995; «Русская диалектная этимология». Екатеринбург, 1996; «Русская народная культура и ее этнические истоки». Пошехонье, 1999; «Русская диалектная этимология». Екатеринбург, 1999).

Основные положения диссертации изложены в монографии «Субстратная топонимия Архангельского Поморья» (Екатеринбург, 2011) и в 23 публикациях, 7 из которых размещены в ведущих рецензируемых научных журналах.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, библиографического списка, перечня сокращений, приложений (карты 1–7, алфавитный регистр субстратных топонимов).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Топонимия Архангельского Поморья, русская по современному бытованию, в этноисторическом отношении представляет собой многослойный континуум, включающий исконно русские названия и субстратные топонимы финно-угорского происхождения. Топонимический субстрат Архангельского Поморья образован генетически сложной совокупностью названий, значительная часть которых интерпретируется на основе прибалтийско-финских, саамского и коми-зырянского языков.
2. Результаты системного этимологического анализа открывают возможность реконструкции лингвоэтнической истории Архангельского Помо-

рья. Избранная в диссертации модель анализа топонимического субстрата позволяет сформулировать этноисторические выводы и воспроизвести региональную лингвоэтническую карту, отражающую расселение финно-угорских групп в эпоху, предшествовавшую их обрусению.

3. Наиболее высокой плотностью в субстратной топонимии Архангельского Поморья обладает выраженный почти повсеместно слой прибалтийско-финских номинаций, в большинстве случаев прямо соотносимых с финской и/или карельской апеллятивной лексикой. Этими языковыми фактами подтверждается объективность исторических сведений об освоении Архангельского Поморья переселенцами из северной Карелии и Заонежья. На топонимическом уровне в западной части региона прослеживается былое присутствие не только карельского, но и собственно финского населения. Фонетическое и морфологическое своеобразие ряда субстратных топонимов дает основания полагать, что в низовьях Северной Двины ранее проживало неизвестное ныне прибалтийско-финское этническое сообщество.
4. Саамский слой характеризуется меньшей плотностью, однако тоже представлен повсеместно. Образующие его субстратные топонимы находят ближайшие апеллятивные параллели в диалектах саамов Кольского полуострова; для ряда топонимов устанавливается языковой источник, близкий к прасаамскому, а в западной части региона по фонетическим показателям выделяется схожее с языком «лопарей» Беломорской Карелии наречие, не зафиксированное в саамской диалектной лексикографии. На основе лингвогеографического анализа установлено, что многие саамские названия Поморья – прежде всего гидронимы – являются субсубстратными, однако широко представленный в нескольких зонах микротопонимический саамский субстрат свидетельствует о том, что в этих зонах саамское население сохраняло свою этническую целостность длительное время и контактировало с русским населением непосредственно, без исторического посредничества прибалтийских финнов.

5. Субстратная топонимия коми-зырянского происхождения образует несколько смежных микроареалов в восточной части региона – между реками Мезень и Северная Двина. Этот слой представлен речными гидронимами, что свидетельствует о достаточно давнем освоении восточной части Поморья коми-зырянским населением. В отдельных зонах коми-зырянский субстрат хорошо выражен и в микротопонимии, что говорит об относительно поздних русско-коми-зырянских контактах. Обнаруженные топонимические факты, связанные с наследием народа коми, имеют высокую культурно-историческую значимость в качестве аргументов присутствия пермского населения на территории Архангельского Поморья.
6. Примененный в работе метод семантического моделирования обладает эвристичностью. На основе этого метода для 70 % субстратных географических названий достаточно надежно раскрывается этимологическое содержание и выявляется ведущая этимологическая версия. Метод позволяет выявить в региональной топонимии типичные номинативные средства, характерные смысловые оттенки топонимических апеллятивов, случаи калькирования и переосмысления субстратных названий. Внутряязыковая и межъязыковая омонимия в системе финно-угорской лексики, а также наличие таких субстратных топонимических моделей, которые неизвестны в русском языке, выступают как факторы, ограничивающие применение метода.
7. Соединение метода семантического моделирования и традиционных этимологических методов топонимистики позволило выявить корпус региональных семантико-типологических соответствий, связывающих русский язык и языки субстрата. Наибольшее межъязыковое сходство наблюдается в сфере географической терминологии и в некоторых других сферах топонимической номинации (физические свойства и оценка объектов, растительность, дикие животные, ихтиофауна). Обнаруживающиеся межъязыковые различия, обусловленные социально-историческими и эт-

ноязыковыми причинами, проявляются главным образом в степени продуктивности топонимических моделей и своеобразии номинативных средств. При межъязыковом сопоставлении материала в субстратной топонимии региона выявляется ряд идиосемантических черт, относящихся к сфере образной номинации, а также номинации на основе апеллятивов, используемых в топонимии в прямых значениях.

Основное содержание диссертации

Исследование открывается **введением**, состоящим из пяти разделов. В первом разделе обоснована актуальность работы; указаны ее объект и предмет; сформулированы цель и задачи; в общих чертах охарактеризованы материал и примененные при его изучении методы; определены новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; описана структура диссертации; приведены положения, выносимые на защиту. В последующих разделах представлена необходимая информация, характеризующая границы и субрегиональное деление Архангельского Поморья, физико-географические особенности региона, состав и типы топонимических источников, данные региональной истории и археологии, опыт предшествующего изучения субстратной топонимии Архангельского Поморья.

1-я глава «Лингвистическая база и методика исследования» включает пять разделов. В первом разделе объяснено построение главы, даны предварительные замечания к содержащимся в ней сведениям. Отмечено, что лингвистической и методической основой исследования служит в первую очередь интегрированный опыт предшествующих работ по топонимии Европейского Севера, однако во всех разделах главы этот опыт не только освоен, но и расширен: во-первых, за счет последовательного соотнесения общего и регионального, во-вторых – за счет усиления типологической стороны исследования, что достигается систематическим привлечением фактов исконно русской топонимии ре-

гиона и собственно финно-угорской топонимии РС и смежных территорий (Карелия, Финляндия, Кольский полуостров, Республика Коми).

С опорой на эти принципы в разделах 2–4 рассматриваются фонетические, морфологические и семантические критерии этимологического анализа субстратных топонимов финно-угорского происхождения.

Раздел 2 «Фонетические критерии этимологического анализа» начинается с характеристики региональных фонетических явлений, отражающихся в относительно регулярном и однотипном варьировании субстратных топооснов. Этот прием уже использовался в некоторых предшествующих работах: наиболее ценным результатом его применения является этимологически значимая информация, связанная с особенностями русского усвоения финно-угорских названий и звуковой спецификой языков субстрата. Для каждого фонетического явления, отражаемого в вариантных формах топонимов, приводится полный или достаточный ряд примеров, даются ареально-хронологическая характеристика и этимологический комментарий. Далее эти данные включаются в общий круг известных закономерностей: они представлены в виде двух сводных таблиц (для гласных и согласных), иллюстрирующих возможности звуковой реконструкции субстратных топооснов на базе их русских репрезентантов.

В разделе 3 «Морфологические критерии этимологического анализа» с позиций формы и значения рассматриваются аффиксы, функционирующие в топонимах финно-угорского происхождения (прибалтийско-финских, саамских, пермских, субстратных). К изложению этого материала, насколько возможно на доэтимологическом этапе анализа, привлекаются факты топонимии Архангельского Поморья; в некоторых случаях в связи с ними излагаются новые морфологические наблюдения; особое внимание уделено диминутивным аффиксам, роль которых в топонимии РС пока была изучена недостаточно. Кроме того, в разделе охарактеризованы этимологически значимые закономерности русской морфологической и фонетико-морфологической адаптации топонимов финно-угорского происхождения.

В разделе 4 «Семантические критерии этимологического анализа» последовательно рассматриваются значимость исконно русской топонимии в этимологизации субстрата, принципы этимологически ориентированной семантической классификации исконно русских топонимов, роль русских именных компонентов (антропонимов и вторичных названий) в этимологическом исследовании регионального топонимического субстрата, особенности семантики топонимов финно-угорского происхождения.

Главу заключает раздел 5 «О методике организации этимологического материала», который завершает характеристику применяемых в работе методов и предваряет собственно этимологическую часть исследования. В разделе отмечается, что в интерпретации малоизученного, сложного, неоднородного регионального материала высоко значима роль всех известных этимологических методов, однако их эффективность может быть усилена за счет определенной организации материала, учитывающей его языковые свойства, степень его трудности и относительную значимость способов его этимологической разработки. В качестве главного принципа такой организации в работе избирается движение от наиболее надежно аргументируемых фактов к сравнительно трудным и спорным. Этот принцип реализован в главах 2–4.

Собственно этимологическую часть исследования открывает **глава 2 «Географические термины в составе субстратных топонимов»**. Ключевая роль этой главы обусловлена тем, что географическая лексика, функционирующая в составе финно-угорских топонимов, на сегодняшний день достаточно хорошо изучена с этимологической стороны, а интерпретации новых фактов способствуют такие свойства географической терминологии, как ее регулярность, непосредственная соотнесенность с природными и культурными реалиями, межъязыковая идеографическая коррелятивность.

Изложение материала главы проводится в два этапа. Первоначально рассматриваются финно-угорские географические лексемы, выступающие в функции детерминантов. При их описании используется традиционная классификация, основанная на соответствии терминов определенным типам географиче-

ских объектов. По этому основанию в работе выделено 4 группы детерминантов: 1) гидронимические, 2) оронимические, 3) указывающие на деятельность человека, 4) имеющие пространственное значение; в особом подразделе приводятся детерминанты с неоднозначной семантикой.

Всего на первом этапе исследования рассмотрено 52 детерминанта. Большей частью их этноязыковые истоки уже установлены в предшествующих исследованиях, однако поморский материал позволил выявить и интерпретировать ряд новых детерминантов, которые в силу их редкости или единичности ранее не рассматривались:

-бураки (в названии *Тирибураки*) ~ фин. *purakko* ‘сырое место; озерцо, лужа’, карел. *purakko* ‘ручей’.

-галь (в названиях *Мандугаль 1, 2, 3*) ~ фин. *kallio*, карел. *kallivo*, люд. *kal'*, *kal'l'i*, вепс. *kal'* ‘скала’, саам. диал. *kaŋli*, *kaŋlei*, *kaŋle* ‘скала, (большой) камень, (каменная) плита’.

-нева (в названии *Иркисневое Болото*) ~ фин. *neva* ‘открытое или безлесное болото; зыбун, покос на болоте; трясина; река’, карел. *neva* ‘вода, водоем; болото’.

-молка (в названиях *Азмолка, Кармолки, Кузомолка, Мостемолка, Читомолка*) ~ прасаам. **mōlkkē*, саам. диал. *moalkki*, *miälkki*, *talk*, *maŋke* ‘изгиб, поворот’.

-порье (в названии *Чёкопорье*) ~ саам. диал. *pōr̥r̥^e* ‘(каменная) гряда’, *pōrre* ‘пологий холм, сопка; каменистый холм’, *pōr̥r̥* ‘выступ; угол’.

-санга (в названиях *Воесанга, Сивасанга*) ~ фин. *sanka*, *sanga* ‘ручка, дужка’, вод. *saŋka* ‘ручка, дужка; крюк’, эст. *sang* ‘ручка, дужка’ – в топонимии ‘покос в излучине реки, луг’.

-тера (в названии *Силостера*) ~ фин. *tiera*, *tiero* ‘невыгоревшее место на подсеке; незасеянный, невспаханный или заросший участок поля; клочок поля; маленький островок леса’, *tiere* ‘невыгоревшее место на подсеке’, ливв. *tiero*, *t'iero* ‘невыгоревшее место на подсеке; небольшой участок земли; открытое место’.

-чалга (*-челга) (в названии *Матчалга*) ~ прасаам. *čēlkē, саам. диал. čielge, čielgi, čielg, čelge ‘позвоночник; хребет, кряж’.

По результатам анализа детерминантов в их корпусе выделены этнодифференцирующие компоненты, что позволило воссоздать представленную в приложениях к диссертации первичную лингвоэтническую карту региона – важный ориентир дальнейшего этимологического поиска.

На втором этапе исследования географической терминологии – с учетом уже имеющихся этноязыковых данных по детерминантам – в главе рассмотрены топонимы, содержащие географическую лексику в основах. По сравнению с детерминантами этот материал в целом гораздо менее изучен и более разнообразен, поэтому в систему аргументации этимологий активно включаются данные исконно русской топонимии. Согласно избранной в работе методике семантического моделирования, они представлены в виде моделирующих «портретов» – небольших текстовых описаний, в которых на основе семантического анализа отмеченных в исконно русской топонимии терминов выделяются видовые идеограммы – понятия, соответствующие региональным разновидностям той или иной реалии. Например, терминологический портрет такой реалии, как озеро, представлен в исконно русской топонимии региона общерусским родовым термином *озеро* и рядом диалектных лексем, указывающих на те или иные разновидности озер. На идеографическом уровне по этим данным выделяются **небольшое озеро** (термины *озёрко, лужа, лыва*), **небольшое глубокое озеро** (термины *бочаг, ламба, ламбина*), **небольшое круглое озеро** (термины *курган / круган, яма*), **речное озеро** (4 топонима с идентичным названием). На фоне этой русской идеографической картины приводятся семантически соответствующие субстратные названия: **Явра** ~ прасаам. *jāvrē, саам. диал. *jawre, jävri, jäurr, javr, javre* ‘озеро’; **Ягрыш** ~ субстр. / саам. диал. *jauraš, jaurös* ‘озерко’; **Падера** ~ фин. *patero* ‘небольшое круглое углубление или яма; небольшое лесное озеро’, карел. *patero, paduro* ‘небольшое углубление, яма’; **Лумбушка** ~ саам. диал. *lūmbal, lumbol* ‘речное озеро’.

В соответствии с данной моделью анализа и репрезентации материала во 2-й главе рассмотрено 17 родовых идеограмм и 75 региональных видовых идеограмм, охватывающих в общей сложности более 300 субстратных названий. Согласно принципу надежности, в главу включены только топонимы, восходящие к словарно засвидетельствованным финно-угорским географическим лексемам: термины, предположительно квалифицируемые как вторичные по отношению к иной лексике, рассмотрены в главе 4, поскольку этимологически они более дискуссионны и, соответственно, менее надежны в плане этноисторической интерпретации.

В 3-й главе **«Региональные универсалии в сфере негеографических апеллятивов (русский язык – языки субстрата)»** проводится исследование субстратных топонимов, этимологически связанных с нарицательной лексикой негеографического характера. Здесь, как и в предшествующей главе, активно применяется методика семантического моделирования, предполагающая репрезентацию субстратного материала на постоянном фоне исконно русской топонимии. В качестве дополнительного организующего параметра в главе используется рейтинговый принцип, в соответствии с которым русские модели располагаются в порядке убывания их топонимической продуктивности.

Глава состоит из трех основных разделов, выделенных в соответствии со статусом межъязыковых топонимических универсалий.

В первом разделе рассматриваются собственно идеографические соответствия, обнаруживаемые в базовых сферах топонимической номинации: физические признаки и оценка объектов; растительность; дикие животные; птицы; ихтиофауна; пространственные характеристики объектов; человек и его деятельность. В соответствующих подразделах на русской основе с необходимой степенью членения выстраивается идеографическая классификация топонимических апеллятивов; ее конечной ступенью является выделение апеллятивно-идеографических групп, в которых объединяются апеллятивы-синонимы. Например, в базовой сфере «Физические признаки и оценка объектов» выделено 9 идеографических секторов: «Размеры и пропорции объектов», «Форма объек-

тов», «Характеристики ландшафта и рельефа», «Характер почв», «Гидрометрические свойства объектов», «Цветовые признаки объектов», «Звуковые признаки объектов», «Общая отрицательная оценка объекта», «Общая положительная оценка объекта». Первый из названных секторов («Размеры и пропорции объектов») составляют выделенные на основе анализа исконно русских топонимов идеограммы **большой / большой в сравнении, маленький / меньший в сравнении, длинный, узкий, короткий**. Для каждой из этих идеограмм приводятся полный ряд русских апеллятивов и русские топонимические иллюстрации – например, идеограмму **маленький / меньший в сравнении** представляют апеллятивы *малый, маленький, вишивый*, отраженные в названиях *Малая Гора, Малая Луда, Малая Пожня, Маленькая Индолка, Вишивая Горка* и др.

На этой русской апеллятивно-идеографической основе в рамках каждой идеограммы представлен анализ семантически эквивалентного субстратного материала. Так, в охарактеризованную выше идеограмму **маленький / меньший в сравнении** включаются названия *Пенепожня* ~ фин. *pieni*, ливв. *pieni*, *pieņi*, люд. *pień, pieņi*, вепс. *peń* ‘маленький’; *Пиккозеро, Пикозеро, Пикостров* ~ фин., карел. *pikku* ‘маленький’, *pikoi* ‘совсем маленький’, люд. *pikoi* ‘очень маленький’; *Пичка, Пичкозеро, Пичкуша* ~ фин. *piskuinen, piskainen, pisku*, карел. *pitšukka(inen)*, люд. *pitšum-pikkaraihe*, вепс. *pitšu(ihe)* ‘маленький’. Разумеется, в каждом случае этимология субстратного топонима получает не только семантико-типологическое обоснование, но и всю иную необходимую аргументацию.

По данной модели строится весь первый раздел 3-й главы. В целом он включает 111 апеллятивно-идеографических групп и более 720 субстратных топонимов.

Во втором и третьем разделах главы представлены межъязыковые топонимические параллели, которые по разным причинам не могут быть включены в основную идеографическую классификацию.

Во-первых, это названия, восходящие к апеллятивам с альтернативными топонимическими смыслами (раздел 2). В рамках методики моделирования рус-

ские топонимы подобного рода рассматриваются как чисто словесные этимологические модели, что в некоторых случаях позволяет, по меньшей мере, подтвердить лексический источник той или иной основы субстратного названия. Приведем в качестве примера русский апеллятив *железный*, который представлен в поморских названиях *Железная Лыва*, *Железное Дно*, *Железное Озеро*, *Железный Наволок*, *Железный Ручей*. Кроме указания на наличие собственно железа (руды), этот апеллятив может указывать и на другие признаки объектов (твердость почвы, пленка ржавчины на поверхности воды, присущий воде «металлический» привкус, труднопроходимость местности, наличие кузницы и т. п.). В каждом конкретном случае топонимическая семантика апеллятива неясна, однако на основании русских данных с аналогичным финно-угорским апеллятивом возможно связать поморские названия *Равдамина* и *Ровдогоры*: ср. фин. *rautio* ‘кузнец’, *rauta* ‘железо; железные вещи’, карел. *rauda*, ливв. *raudi*, люд., вепс. *raud* ‘железо’, саам. *raw'de* ‘кузнец’. Во втором разделе рассмотрено 8 подобных словесных моделей и 18 соответствующих им субстратных топонимов.

Во-вторых, в силу комплексной семантики не могут быть включены в основную идеографическую классификацию и метафорические названия – поэтому они также рассматриваются особо (раздел 3). Важнейшей семантико-типологической опорой при анализе субстратных топонимов-метафор продолжают служить русские данные: метафорическая модель и представляющие ее топонимы – на их фоне приводится соответствующий субстратный материал. Например, для русской метафорической модели **котел**, отраженной в названиях *Котёл*, *Котелок*, *Котельное*, выявляется субстратный эквивалент *Кемники*, соотносимый с прасаам. **kētnē*, саам. диал. *kiemni*, *kiemnn*, *kītn*, *kim̄ne*, *kĭ̄tn^e*, множ. ч. *kiemnēk* ‘котел’; для метафорической модели **лапа**, отразившейся в нескольких идентичных микротопонимах региона, эквивалентом служит название *Кепола*, объясняемое на основе фин., карел. *kärälä*, люд., вепс. *käbäl* ‘лапа’ или саам. диал. *kierpeļ*, *k'ĭ̄rpeļ* ‘лапа’. Всего в третьем разделе главы рассмотрено 8

региональных межъязыковых метафорических моделей и 14 субстратных топонимов.

Таким образом, в целом 3-я глава содержит этимологические решения более чем для 750 названий финно-угорского происхождения. По итогам этой и частично 2-й главы в приложениях к диссертации представлена карта, иллюстрирующая географическое распределение этнодифференцирующих субстратных топооснов.

В 4-й главе «**Финно-угорские топонимические апеллятивы, не имеющие региональных русских аналогов**» обсуждается субстратный материал, обладающий довольно высокой степенью этимологической трудности и, соответственно, дискуссионности. На этом этапе анализа роль данных исконно русской топонимии становится факультативной – в то же время возрастает значимость лингвогеографических показаний, топонимических микро- и макроконтекстов, типологии финно-угорских топонимов, внелингвистических сведений.

Глава включает два раздела: в первом рассматриваются метафорические апеллятивы, во втором – апеллятивы в прямых значениях.

В сфере метафорических апеллятивов (раздел 1) выделено 6 семантических групп: части тела; части дерева; углубление; инструменты и их части; части рыболовных снастей; части упряжи оленя. В пределах каждой группы представлены предполагаемые метафорические модели и соответствующие им субстратные топонимы. Например, группа «Инструменты и их части» включает три метафорических модели: **топор**, **мотыга** и **зубец**. Первой из них соответствуют топонимы *Кирбасова река* и *Кырвозеро*, соотносимые с фин., карел., люд. *kirves*, вепс. *kirvez*, *kervez* ‘топор’, а также название *Хамарнаволоок*, связываемое с фин., карел. *hamara*, люд. *hamar(o)*, вепс. *hamar* ‘обух’. Вторая из названных моделей представлена топонимом *Коксемена*, восходящим к фин. *koksa*, карел. *kokša*, вепс. *kokš* ‘мотыга’. Модель **зубец** находит отражение в названии *Сорбозеро*, основа которого сопоставима с фин. *sorppa* ‘зубец остроги, вил’, карел. *šorppa* ‘разветвление, развилина; ножка; шип, зубец’, люд. *šorp* ‘зубец остроги, вил’, вепс. *šorp* ‘шип, зубец, сучок’.

Семантические группы первого раздела расположены в порядке убывания топонимической продуктивности апеллятивов. Этот принцип позволяет видеть, что наиболее частотными в метафорической субстратной топонимии региона являются апеллятивы, называющие части тела (19 топонимов, отражающих 9 моделей: **часть ноги / лапы, ухо, шея, часть черепа, часть рога, пах, матка, палец, часть груди**). Все остальные группы представлены значительно меньшим числом моделей и топонимов. В общей сложности в разделе предложены этимологии более чем для 50 субстратных названий.

Во втором разделе 4-й главы рассматриваются не имеющие региональных русских аналогов субстратные топонимы, восходящие к неметафорическим апеллятивам. Их корпус распределен по 9 семантическим блокам: чужая этническая группа; ландшафтные реалии; рыбы; птицы; реалии охотничьего промысла; продукты; растения; мифологические персонажи; родственники. Наибольшей продуктивностью отличается первая из названных групп. К ней отнесены названия *Гамская деревня* ~ фин. *Häme*, именуящим одну из финских провинций и ее население; *Мугалы 1* и *2* ~ фин. *miukalainen*, карел. *miukalaine*, *miukali*, люд. *mūgalaine*, *mūgali* ‘из другой стороны, чужой, незнакомый’; *Роча*, *Рочозеро* ~ саам. диал. *rjõtt̃s^A*, *rj̃ts̃^(A)* ‘финн’, *rjõtt̃s^A* ‘финн; швед’; *Рушеягр*, *Рушимёнка* ~ саам. диал. *rjõšš^A*, *rjõšš^А*, *rj̃šš^A* ‘русский’, а также ряд топонимов с основой *Чиж-* / *Чит-* / *Чиш-* / *Чуд-* / *Чуж-* / *Чуз-*, которая предположительно сопоставлена с саам. диал. *tš̥iδδ^е*, *t'š̥'udd^E*, *t'š̥'udt̃^E* (gen. *t'š̥'ud^е*), *t'š̥'idt̃^е* ‘враг, неприятель’.

Всего во втором разделе 4-й главы даны этимологии более чем для 40 поморских топонимов финно-угорского происхождения.

5-я глава «Методические и лингвистические итоги этимологического анализа» посвящена изложению наиболее значимых результатов, связанных с методикой исследования и с выявленными на региональном материале языковыми закономерностями разного порядка. Глава состоит из двух разделов, в которых последовательно обсуждаются методические (1-й раздел) и лингвистические (2-й раздел) итоги работы.

В первом разделе отмечается, что примененная в диссертации методика семантического моделирования, направленная на возможно более корректное и обоснованное решение задач этимологической и этноязыковой квалификации регионального топонимического субстрата, проявила достаточно высокую эффективность. На опыте исследования поморской топонимии наиболее результативные стороны моделирующего подхода могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) Для относительно большого числа топонимов достаточно надежно раскрывается их этимологическое содержание и выявляется ведущая этимологическая версия. В работе этот показатель составил около 70 % от общего числа топонимов, при этом для большей их части этимологические решения предложены впервые.

2) С наибольшей эффективностью моделирующий подход проявляет себя в сфере видовой географической терминологии, где обнаруживаются множественные и достаточно полные межъязыковые идеографические параллели. В сфере негеографических апеллятивов наиболее полными межъязыковыми соответствиями характеризуются идеограммы, относящиеся к сферам «Физические свойства и оценка объектов», «Растительность», «Дикие животные», «Ихтиофауна».

3) При организации этимологического поиска в соответствии с делением русской семантической сетки на определенном этапе начинает работать принцип «цепной реакции», когда объединяемые на идеографической основе этимологии финно-угорских названий вступают в отношения взаимной аргументации. В их общем ряду наглядно просматриваются устойчивые семасиологические связи, типические номинативные средства, характерные смысловые оттенки топонимических апеллятивов.

4) В рамках русской апеллятивно-идеографической классификации технически легче выявляются случаи калькирования или типологического смыслового совпадения «смежных» названий, что, как известно, аргументирует топонимические этимологии наилучшим образом.

5) Русская апеллятивно-идеографическая основа позволяет выявить факты переосмысления субстратных названий. Поскольку ремотивация обычно опирается на ближайшие в языке значимые звуковые комплексы, результат ее действия относительно случаен – в топонимии это проявляется в возникновении семантически аномальных названий, занимающих в русской апеллятивно-идеографической классификации изолированное положение. Оно, в свою очередь, указывает на вероятные субстратные истоки топонима – ср., например, название *Лунный Ручей*, которое весьма затруднительно связать с русским *луна*, но возможно сопоставить с топонимически продуктивной коми-зырянской лексемой *лун* ‘юг; южный’.

6) Эксперимент с рейтинговой составляющей русской семантической классификации обнаружил, что в плане продуктивности отношения между русскими моделями и их финно-угорскими аналогами могут складываться различным образом, однако в очень многих случаях их количественная взаимосвязь близка к прямо пропорциональной. Таким образом, рейтинговый принцип может применяться в региональных топонимических исследованиях и в дальнейшем. Один из важных результатов его применения – хорошо видимая картина межъязыковых апеллятивно-идеографических различий, диспропорций и «лакун», что ведет к осмыслению некоторых специфических языковых черт топонимического субстрата.

7) При моделирующем подходе этимологические результаты приносит работа не только с активными русскими идеограммами, но и с моделями, которые представлены очень малым числом названий или даже одним топонимом. Положительный результат дает и работа с метафорами, а также с чисто словесными моделями, которые в силу семантической неоднозначности стоят вне основного идеографического деления.

Разумеется, при этом моделирующий подход сопряжен и с рядом ограничений и трудностей. Прежде всего он, как и все другие собственно лингвистические методы этимологизации субстрата, нередко бессилен перед внутриязыковой и межъязыковой омонимией в системе финно-угорской лексики. Помогая

сформировать те или иные версии, моделирование далеко не всегда позволяет отдать предпочтение какой-либо из них. Однако при этих естественных ограничениях метод существенно увеличивает доказательность значительного числа этимологий, поэтому построение этимологически ориентированной русской «семантической сетки» следует признать необходимой ступенью изучения топонимического субстрата любого региона РС, по меньшей мере – необходимой частью исследовательской лаборатории.

Во втором разделе 5-й главы отмечен основной лингвистический результат работы – этимологическая интерпретация большинства известных субстратных топонимов поморского региона (более 1 200). Далее в связи с перспективой региональных исследований рассматриваются полученные на опыте работы лингвистические наблюдения фонетического, морфологического и семантического характера.

В области фонетики, прежде всего, видится вполне оправдавшим себя подход, при котором все доступные для наблюдения фонетические явления, отражаемые в топонимии региона, подробно рассматриваются уже на доэтимологической ступени исследования. Далее, на собственно этимологическом этапе, эти сведения оказываются не только полностью востребованными, но и в отдельных случаях маркируются высокой этимологической значимостью. В частности, в системе явлений русской фонетической адаптации субстратных названий оказываются особо активными процессы, связанные с билабиальным характером *в*, что нередко ведет к его замене губными и латеральными звуками (*б*, *л*, *м*), а также с переработкой заднеязычных звуков, которые в русском языке могут переходить в переднеязычные (*д'*, *т'* из *g*, *k*) и среднеязычные (*ж* из *g*). К сфере русской фонетической адаптации относится и отмечаемая в регионе своеобразная передача звуков коми-зырянского языка (*ш* из палатального *с*, *е* и *о* из *ө*). Названные процессы, впрочем, более или менее активны и в других зонах РС и уже отмечались исследователями.

В сфере ранее не отмечавшихся фонетических особенностей субстратной топонимии РС заслуживают внимания два феномена: 1) «нулевое» отражение

финно-угорских гласных второго слога и связанное с этим изменение фонематического состава топоосновы (напр. **Лопш-** из *luoppaž*, *luoptaž'*, **Танш-** из *tābbaž* и др.) – это явление могло возникнуть как на русской почве, так и на почве языка-источника; 2) микрорональный «нижмозерский» феномен, проявивший себя в устойчивом соотношении русского *и* с саамским *ea* (напр. **Нижм-** ~ *něäsm^e*, **Чиньг-** ~ *tséaŋg*, *tséaŋ^ska* и др.) – вероятно, русский *и* в подобных примерах восходит к саамскому дифтонгу типа *ie* (~ *ea*), который не зафиксирован в составе рассматриваемых апеллятивов, но предположительно может связываться с наречием, близким к терскому диалекту саамского языка.

В следующей части раздела, посвященной морфологии, комментируются главным образом малоизученные и дискуссионные морфологические темы. Первая из них – диминутивные формы в субстратной топонимии. Согласно результатам этимологического анализа, с наибольшей уверенностью в поморском субстратном материале можно выделять фонетически специфичные рефлексy саамского диминутивного суффикса **-Vnč**, известного ныне в кильдинском диалекте, ср. *Выношенца* (~ *vennsəñ^dt'š'*), *Тельменца* (~ *təarmäñ^dt'š'*), *Поранчев Ручей* (~ *pōrāñ^dt'š'*). Диминутивные суффиксы других саамских диалектов (*-aš*, *-až*, *-ai*) фонетически менее специфичны, поэтому их распознавание в топонимии не всегда возможно. В этом случае одним из сигналов вероятного диминутивного характера основы может служить ее 3-4-фонемный состав с финальным кластером «согласный + шипящий» (напр. **Олж-** из саам. диал. *ōlgaž*, *ōlgaš*) – он образуется при русском усвоении диминутивных форм совершенно закономерно, поскольку гласный суффикса обычно является редуцированным. Результаты анализа топооснов подтверждают и предположение о связи поморских гидронимов на *-жма* / *-зьма* с архаичным саамским диминутивным суффиксом *-šm* / *-šm* / *-šn*.

Вторая морфологическая тема, обсуждаемая в разделе, связана с неизвестными ранее детерминантами (их ряд приведен выше в характеристике 2-й главы). В итоговом комментарии отмечается, что при всей редкости или даже то-

чечности вновь выявляемых детерминантов их значение в системе других региональных топонимических данных оказывается достаточно высоким. Это обусловлено, во-первых, этнодифференцирующими свойствами редких детерминантов, во-вторых, тем, что топонимы с редкими детерминантами почти всегда существуют в плотном окружении полукалек и, как можно предполагать, указывают на вероятные источники русских компонентов в полукаляках того или иного типа.

Третья морфологическая тема, затронутая в разделе, касается происхождения речного форманта *-Vn(ь)ga*. На территории Архангельского Поморья, периферийной по отношению к основному ареалу *-Vn(ь)ga*, этот формант очевидно не связан с каким-либо гомогенным лексическим прототипом – скорее, он имеет множественные словообразовательные источники. Среди них предполагаются и такие, о которых пока не говорилось в научной литературе. В частности, формант *-Vn(ь)ga* в некоторых случаях может объясняться как результат слияния речного форманта *joki* с концом топоосновы, включающей адъективный суффикс *-inen*: таким образом, возникли «ономатопозитические» поморские гидронимы *Лоренга* (**Lorinen-joki* < фин. *lorista*, карел. *lorissa* ‘журчать’), *Рименьга* (**Ryminen-joki* < фин. *rymistä* ‘бушевать, шуметь’, карел. *rymissä* ‘греметь, грохотать’) и др.

В завершающей части раздела приводится круг итоговых наблюдений семантического характера. Прежде всего на поморском материале безусловно подтверждается высокая степень смыслового сходства топонимии русского и финно-угорского происхождения. Различия, которые при этом наблюдаются, связаны главным образом с неодинаковой продуктивностью некоторых моделей, а также с этноязыковым своеобразием средств топонимической номинации. Так, в сфере географической терминологии отмечаются случаи, когда важная региональная идеограмма – например **залив** или **мыс**, хорошо представленная в топоосновах русскими родовыми и видовыми терминами, относительно слабо отражена в основах финно-угорских названий. В этих случаях основная причина межъязыковых диспропорций видится в том, что в терминоло-

гическом обозначении заливов и мысов, которые осваивались финно-угорским населением в глубокой древности, отражены весьма архаичные средства номинации – прежде всего термины-метафоры, ныне не фиксируемые словарями в географических значениях ‘мыс’ или ‘залив’. Эти значения прочитываются лишь по собственно топонимическим данным на основе апеллятивов с узуальными значениями ‘конец, кончик (топора, поля и т. п.)’, ‘острие, вершина, выступ, уголок и др.’, для заливов также ‘голень’, ‘пятка’.

В сфере негеографических апеллятивов причины межъязыковых расхождений еще более многообразны. Одной из них может являться калькирование, стершее следы тех или иных финно-угорских топонимических лексем. Кроме того, неравновесное наполнение некоторых идеографических моделей может объясняться причинами этноязыкового порядка. Например, в случае с идеограммой **длинный** непропорциональность количественного соотношения названий (107 русских топонимических гнезд – 2 субстратных топонима) может быть связана с различием финно-угорского и русского видения протяженных объектов: в соответствии с ним финно-угры, возможно, словесно закрепляли в названиях протяженных объектов признаки *тонкий / узкий, поперечный* (или *широкий, большой в ширину*, о чем на примере саамских названий озер Карелии уже писал А. Л. Шилов⁴). То же можно сказать об идеограмме **нижний** (148 русских топонимических гнезд – прямых финно-угорских аналогов нет). В этом случае, вероятно, лакуна также обманчива, поскольку в архаичной топонимии финно-угорских народов **низ** (~ начало, основание, дно, исток, комель, корень) соответствует русскому **верх**, и наоборот.

Таким образом, межъязыковые количественные и номинативные расхождения проявляют тесную связь с этноязыковыми причинами. В связи с этим отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об относительно устойчивых межъязыковых номинативных различиях, которые возможно проследить с опорой на имеющиеся этимологические данные.

⁴ См.: Шилов А. Л. О саамской топонимии севера Карелии // Вопр. ономастики. 2008. № 5. – С. 54.

Наиболее простой и редкий тип подобных различий условно может быть назван «синонимической асимметрией» – русские и финно-угорские номинативные средства в этом случае тождественны по составу, но неодинаковы по предпочтению. Так, в русской топонимии Поморья редко встречается апеллятив *тёмный* и очень часто *чёрный* – в дошедшей до нас субстратной топонимии, напротив, над *чёрным* преобладает *тёмный* (~ сумрачный, мутный, тусклый). В большинстве случаев, однако, номинативные различия между языками более глубоки; в них заметно проявляются как своеобразие восприятия мира русским и финно-угорскими народами, так и исторически сложившиеся этноязыковые традиции именования тех или иных географических объектов. В частности, в рамках регулярных идеограмм на поморском материале выявляются следующие специфические финно-угорские средства топонимической номинации:

Идеограмма	Семантика финно-угорских апеллятивов	Типичные объекты номинации
излучина реки	ручка, рукоятка, дужка	покосы, луга
кривой, изогнутый	гнуть, сгибать	реки, озера
круглый	кольцо лыжной палки; поплавок	острова, озера
поперечный	поперечная жердочка	протоки
вязкий, болотистый	слякоть, нечистоты, птичий помет	покосы
опасный	рвать, раздирать; царапать; ломать, колоть; бросать, швырять; угроза, опасность	пороги, мысы
шумный	журчать, литься, звучать, звенеть, трещать, хрустеть, щебетать и т. п.	ручьи, малые реки, пороги
скудный, бедный	усталый, изнуренный, тощий	озера
коллективный	народ, семья, род, племя	покосы

Кроме того, на опыте исследования подтверждаются и расширяются сведения о некоторых типах финно-угорских апеллятивов, которые встречаются в

субстратной топонимии довольно часто, но в силу значительной этноязыковой специфики несводимы к единственной идеограмме. Так, финно-угорские лексемы со значением ‘комель, корень’ употребляются в поморской топонимии в значениях ‘берег, материк’, ‘исток реки’, ‘маленькая, очень короткая речка’.

Более сложная тема – редкие и уникальные финно-угорские номинативные средства. Как можно судить по данным исследования, сам факт редкости или единичности финно-угорского названия во многих случаях сигнализирует об этимологической нестандартности его семантики. За таким названием часто скрываются либо представления религиозно-мифологического характера, либо образные или оноματοпоэтические представления – на апеллятивном уровне и те и другие далеко не всегда имеют точные русские аналоги.

Этимологическая квалификация подобных субстратных топонимов бывает крайне затруднительной. Главным аргументом этимологии в этих случаях являются типологические финно-угорские данные, однако наряду с ними аргументирующий характер могут приобретать экстралингвистические сведения, а также выявляющиеся при этимологизации семантические связи между субстратными названиями одной зоны. Так, фонетически уникальные для поморского региона названия нескольких озер кудьмозерской зоны истолковываются как «безрыбные» (буквально «усталые, изнуренные», «тощие», «с невкусной рыбой») – в этой же зоне отмечено единственное в Архангельском Поморье русское *Безрыбное Озеро*.

Еще более ярким примером системных связей между редкими субстратными названиями может служить топонимия Онежского берега, где обнаруживается целая группа саамских метафор: развилка оленьего рога (*Вейга*), пах оленя (*Нижмозеро*), бедренная кость передней ноги оленя (**Тамбица*), вожжа оленьей упряжки (*Лямца*), олений хомут (*Конепаньга*), ухо (*Пеллега*), большой палец руки (*Пильдозеро*), матка (*Вожозеро*). Несмотря на то, что для некоторых отмеченных названий имеются альтернативные этимологии, такое совпадение вряд ли случайно – скорее, этот топонимический комплекс представляет собой

единый архаичный пласт местной субстратной топонимии, отражающей синкретизм мышления древних номинаторов.

Семантические связи, выявляемые в процессе этимологического анализа, приобретают сверхаргументирующий характер и в тех случаях, когда география топонимов достаточно широка. Иначе говоря, топонимы разных территорий могут последовательно, хотя и различным образом, выражать одну и ту же важную общерегиональную идеограмму. Так, для речной гидронимии Поморья, прежде всего названий рек, впадающих в Белое море, «кодовыми» оказываются две идеи: с одной стороны – звучность поморских речек, с другой стороны – их малые размеры. В последнем случае наблюдается большое разнообразие метафорических и иных средств номинации: диминутивные суффиксы при основах, номинативные модели «кончик, вершинка», «корень, комель», «обрубок, кусок», «часть лапы / ноги», «трещинка, морщина, желобок» – однако все эти средства выражают специфическое видение поморских речек как очень малых объектов.

В 6-й главе «Дославянское население Архангельского Поморья по данным топонимии» подводятся этноязыковые и этноисторические итоги исследования. Глава состоит из пяти разделов.

В первом разделе рассматривается вопрос об этническом составе финно-угорского населения региона, выявляемом по данным исконно русской и субстратной этнотопонимии. Этимологическая картина, наблюдаемая по отношению к региональным этническим именам, не обнаруживает принципиальных расхождений с исходными историко-топонимическими сведениями, согласно которым значительную часть постоянного финно-угорского населения региона составляли сообщества, близкие к современным прибалтийским финнам и восточным саамам. В то же время этимологическая картина не является зеркальным отражением уже известных данных: в некоторых отношениях она несколько более узка, а в некоторых – более подробна. Особенности отражения этнических имен в топонимии региона таковы:

1. Этнотопонимы, прямо указывающие на карел, довольно широко представлены в русской топонимии, но не отмечены в субстратной. Основная причина этого видится в том, что карелы были позднейшим и самым многочисленным финно-угорским этническим сообществом Поморья.
2. В западной части региона отмечены названия на **Роч-** (*Роча, Рочозеро*) и **Гам-** (*Гамская деревня*), которые могут указывать на присутствие здесь финнов (*Роч-* – с саамской позиции).
3. В двинских низовьях и Северном Примезенье отмечены топонимы, предположительно указывающие на саамов (*Самокурья, Самопола, Самуй* ~ **sāmē* ‘саам’).
4. Прибалтийско-финские топонимические указания на саамов не могут считаться определенными в силу многозначности соответствующей топоосновы **Лан-**. В то же время устойчивая связанность этой основы с гидронимией, ее ярко выраженная ареальность и географическое совпадение с другими этнотопонимическими сигналами саамского присутствия свидетельствуют о том, что во многих случаях топооснова **Лан-** указывает именно на саамов.
5. С «саамской позиции» в субстратной топонимии региона отмечаются довольно многочисленные, но неопределенные указания на присутствие чужого, враждебного саамам населения (топооснова **Чид-** / **Чит-** / **Чиж-** / **Чиш-** / **Чуд-** / **Чуж-** / **Чуз-**).
6. Названия на **Перм-** / **Перем-**, отмечаемые на правобережье нижней Двины с XVI в., могут отражать этноним *пермь*, хотя эти названия возможно связывать и с приб.-фин. *perä ta(a)* ‘окраинная земля’.

При соотнесении этих данных со всеми иными региональными фактами отражения этнических имен (документы, предания) с достаточной уверенностью возможно прийти к двум выводам: 1) Выявляемый для региона минимальный этнонимический ряд составляют карелы и саамы, максимальный – карелы, саамы, финны, «чудь», «пермь»; 2) Присутствие этносов, отличающихся от карел и саамов, наиболее вероятно в Северном Примезенье, низовьях Двины и на

Онежском полуострове. Эти заключения в целом согласуются с общими результатами этимологического анализа, обнаруживающего в топонимии Архангельского Поморья дифференцирующие следы присутствия карел, финнов и саамов, а также коми-зырян и групп населения, которые отличались от ныне известных этносов некоторыми языковыми особенностями. Топонимическое наследие этих этнических сообществ и связанные с ним исторические проблемы рассматриваются далее в разделах 2–4.

Второй раздел посвящен прибалтийско-финскому топонимическому наследию региона, которое представлено широким рядом дифференцирующих детерминантов (*-бураки, -ламба, -нева, -пуга, -салма, -ванга, -коски, -луда, -ма, -орга, -ранда, -санга, -сари, -кула, -пелда, -тера*) и топооснов (*Вано-, Верт-, Леля-, Малт- / Малд-, Падер-, Пенк-, Пигл-, Рат-* и др. – всего более 200). Зонами максимальной концентрации прибалтийско-финской топонимии являются низовья Северной Двины и Онеги, а также Онежский полуостров. Дифференциация прибалтийско-финских данных по языкам и диалектам во многих случаях затруднена межъязыковым сходством апеллятивов, однако по имеющимся различительным сигналам возможно заключить следующее: 1) Дифференцирующие вепсские и людиковские элементы не выявлены; 2) Для значительной части поморских топонимов устанавливается представленная в каждом случае с различной полнотой связь с финскими / карельскими / карельско-ливвиковскими апеллятивами; 3) В низовьях Северной Двины и Онеги прослеживается топонимический слой – 28 гнезд, для которого апеллятивные параллели обнаруживаются только в финском языке (иногда также в ижорском, эстонском, ливском, водском языках, но не в карельском и вепсском).

Особо комментируются в разделе вопросы, связанные с неизвестными ныне прибалтийско-финскими наречиями РС. В частности, в низовьях Северной Двины и восточной части Летнего берега в топонимии прибалтийско-финского типа отмечены фонетические и морфологические явления, не свойственные живым прибалтийско-финским языкам: 1) Соответствие субстр. *a* ~ приб.-фин. *e*; 2) Соответствие субстр. звуков (> русск. *ы*) ~ приб.-фин. *i, e*; 3) Соответствие

субстр. *č* (> русск. *ч*) ~ прибалт.-фин. *s, š*; 4) Совмещение прибалт.-фин. основы с гидроформантом *-Vm(a)*. Отмеченные явления отражены, например, в названиях **Падростров, Патрукула, Падрокурья** ~ фин. *petra*, карел. *petra, pedra*, ливв. *pedru*, люд., вепс. *pedr* ‘дикий олень’; **Кырбасова река, Кырвозеро** ~ фин., карел., люд. *kirves*, вепс. *kirvez* ‘топор’; **Кумчукурья, Кунчезеро** ~ фин. *kumsi*, карел. *kumprši* ‘вид лосося’; **Пурома** ~ фин., карел., ливв. *puro* ‘ручей; небольшая речка’ и др.

Эти и иные данные позволяют полагать, что в низовьях Северной Двины и восточной части Летнего берега проживал ранее этнос, близкий к известным прибалтийско-финским народам, но отличавшийся от них рядом языковых черт. Это тем более вероятно, что рассматриваемая зона по русским преданиям связана с *чудью*, а по топонимическим саамским сигналам – с этносом, который был враждебен саамам: ср. названия **Чуда, Чужгора и Читомина**, которые мы связываем с саам. диал. *tšùδδ^ε, t'š'udd^E, t'š'udt^E, t'š'idtε* ‘враг, неприятель’.

В топонимии нижеонежского субрегиона «неизвестные» прибалтийско-финские следы также присутствуют, но по качеству отличаются от нижнедвинских. Прежде всего, в низовьях Онеги практически не представлен тот комплекс сигналов, по которым выделяется «чудской» компонент в двинских низовьях и восточной части Летнего берега. При этом, однако, на нижней Онеге концентрированно представлены названия на **Хайн-** (4 гнезда) и **-шалга** (9 топонимов), которые, будучи очевидно прибалтийско-финскими, по своему фонетическому облику не могут сегодня считаться ни финскими, ни карельскими.

По одной из возможных версий, эти факты следует соотнести с тем, что нижеонежский субрегион отличается довольно плотной концентрацией топонимов, для которых апеллятивные соответствия обнаруживаются в финском и южноприбалтийско-финских языках при отсутствии параллелей в карельском и вепсском. К фактам подобного рода относятся как топоосновы (**Мят-** ~ фин. *mätä* ‘гнилой’ (~ ижор., вод., эст.); **Нирк-** ~ фин. *nirkko, nirko* ‘острие, кончик, уголок’ (~ вод.); **Руб-** ~ фин. *rura* ‘грязь, ил’ и др.), так и детерминанты (**-ванга** ~ лив. *vaṅga* ‘береговой луг’, эст. *vang* ‘рукоятка; изгиб’, фин. *vanko* ‘длинный

шест с крюком на конце'; **-санга** ~ фин. *sanka, sanga* 'ручка, дужка', вод. *saŋka* 'ручка, дужка; крюк', эст. *sang* 'ручка, дужка'). Кроме того, в низовьях Онеги отмечаются топонимы, основы которых имеют карельские и вепские апеллятивные параллели, но при этом наиболее близки к финским лексемам: так, название **Огормина** очевидно ближе к фин. *ohra* 'ячмень', нежели к карел. *osra*, люд., вепс. *ozr*; название **Месовручей** прямо соотносится с фин. диал. *messu* 'глухарь' – при карел. *mettšö*, ливв., люд. *metšoi*, вепс. *metsoi*, и т. п. Наконец, в нижеонежской зоне фиксируются указывающие на финнов саамские названия на **Роч-** (~ саам. диал. *rjõtt̥s^A*, *rj̥ts^(A)* 'финн', *rjõtt̥s^A* 'финн; швед'), а также исторический ойконим **Гамская деревня**, который, скорее всего, связан с субэтническим именем *håme*, восходящим к одноименному названию одной из областей Финляндии. В совокупности эти факты ведут к заключению о том, что в низовьях Онеги проживали ранее отдельные группы финского населения. Судя по тому, что в названиях на **Роч-** и **Гам-** финны обозначены нейтрально, а легенды о *чуди* в селах нижней Онеги неизвестны, это финское население воспринималось соседями именно как финское, а не «чудское». При этом отмеченные выше лексические параллели, связывающие финский, водский, ливский и эстонский языки, позволяют предполагать, что финны нижней Онеги (по крайней мере, некоторые их группы) говорили на переходных финских диалектах, которые исторически формировались в близком соседстве с южноприбалтийско-финскими языками. Этим обстоятельством, в свою очередь, могут объясняться как нижеонежские топонимы на **Хайн-** (ср. эст. юж. *hain*), так и на **-шалга**, поскольку в местном переходном финском наречии мог иметься термин, близкий к эст. юж. *sälg*, лив. *sälga* (> рус. *шалга* через вероятное карельское посредство).

Таким образом, для прибалтийско-финской топонимии региона прослеживается три этноязыковых источника: карельский язык (собственно карельский и ливвиковский диалекты), финский язык и неизвестное ныне прибалтийско-финское наречие.

В третьем разделе характеризуется саамское топонимическое наследие Архангельского Поморья. В предшествующих исследованиях эта тема отличалась

значительной недосказанностью: при том, что историческое присутствие саамов в беломорском регионе неоспоримо, исследователями традиционно отмечалась малочисленность саамских следов; без должной детализации оставались и представления о языковом своеобразии саамских этнических групп Поморья, их географической локализации, особенностях контактов с другими финно-угорскими народами и русским населением.

Согласно данным региональной топонимии, призванным прояснить «саамский вопрос», дифференцирующих саамских компонентов в поморской топонимии значительно меньше, чем прибалтийско-финских, однако они представлены достаточно системно. Прежде всего, в составе 19 субстратных топонимов отмечено 6 детерминантов очевидно саамского происхождения: **-молка, -мотка, -порье, -похта, -соломбала, -челга / -чалга**; к этому ряду возможно добавить форманты, восходящие к дифференцирующему саамскому диминутивному суффиксу **-Vnč**. Распределение по территории Архангельского Поморья саамских топооснов (**Ёрн-, Кимж-, Кихт-, Мел-, Нявр-, Чар-, Чухч-** и др. – всего свыше 170) дает широкую картину, свидетельствующую о практически повсеместном, хотя и различном по весу саамском присутствии. В разреженных зонах (Летний берег, Зимний берег) саамскими являются главным образом названия рек. В зонах наибольшей концентрации саамских элементов (Северное Примезенье, низовья Северной Двины и Онеги) достаточно массово фиксируется микротопонимия – здесь, по всей видимости, саамы являлись обособленным этносом наиболее долго, а русско-саамское взаимодействие не обязательно осуществлялось при историческом посредничестве прибалтийских финнов.

В плане зональных особенностей саамской топонимии наибольшей определенностью отличается восточная часть региона (Северное Примезенье, Зимний берег), где в саамских топонимах последовательно просматриваются черты кильдинского и терского диалектов. Кильдинские элементы, в частности, широко представлены в составе топонимической лексики, хотя по отражению прасаам. **ō* и **u* топонимы восточной части Поморья более близки терскому диалекту, ср.: **Кихтома** ~ прасаам. **kōktē*, кильд. *kūχt*, тер. *kiq̄t* ‘два’; **Кильца** ~

прасаам. **kōlē*, кильд. *kūll*, тер. *kiļle* ‘рыба’; **Кимжа** ~ тер. *kimč* ‘медведь’ и др. В восточной части Поморья из саамского языка интерпретируется большинство наиболее древних названий – речных гидронимов, однако есть и зоны, в которых саамский пласт включает значительное число микротопонимов. В этих зонах засвидетельствованы не только саамские форманты и основы, но и русские основы в составе саамских топонимов (**Мостемолка** ~ русск. *мост*, **Продвей** ~ русск. *пруд*), а также факты калькирования (**Шала** – **Сигово**, ср. саам. тер. *šall^(a)* ‘сиг’, **Вырпожня** – **Волковицина**, ср. саам. тер. *vīrje* ‘волк’ и др.). Эти факты указывают, с одной стороны, на тесный и непосредственный характер русско-саамских контактов, с другой стороны – на относительно недавнее завершение ассимиляции местного саамского населения.

Более сложен вопрос о топонимическом наследии саамов нижнего Подвинья. Здесь, как и в Примезенье, в топонимии отражен ряд кильдинских и терских черт, однако рефлексам прасаам. **ō* и **u* являются *o* и *y* (ср. мезенское **Кильца**, **Чижгора** – двинское **Колозьма**, **Чужгора**), которые могут в равной степени отражать прасаамский вокализм или вокализм любого восточносаамского диалекта, исключая терский. На фоне этой «нейтрализованной» картины системно проявляются и следы саамских наречий, схожих с диалектами колтта. В частности, на их почве объясняются топоосновы **Лашк-** ~ *laš^Ak* ‘гнилой’; **Лядог-** ~ *leδak[']*, *leδak[']* ‘топь, топкое болото’; **Мати-** ~ *mādd^A*, *mādt^E*, *mādde* ‘комель’; **Олж-** / **Волж-** ~ *ōlgaž*, *ōlγaš* ‘поперечная жердочка’; **Турд-** ~ *tur^dted* ‘шуметь’; **Шанш-** ~ *šapš^(a)* ‘сиг’ и др. В то же время в ряде случаев данные диалектов колтта, отличаясь от кильдинских и терских, на уровне топонимического отражения неотличимы от прасаамских, ср. **Колозьма** ~ прасаам. **kōlē*, колт. *kuell*, кильд. *kūll*, тер. *kiļle* ‘рыба’; **Оногра** ~ прасаам. **vōne*, колт. *viōnn*, кильд. *vūnn* ‘узкий и длинный залив’; **Чужгора** ~ прасаам. **ciδē*, колт. *tšùδδ^e*, *t'š'udd^E*, кильд. *t'š'idŋ^E*, тер. *t'š'idŋe* ‘враг, неприятель’. Отдельного упоминания заслуживает на этом фоне известный с XV в. топоним **Соломбала**, вторая часть которого (-*ломбала*) по вокализму первого слога соответствует говорам колтта, а по наличию консонантной группы -*мб*- исключает прямую связь с этими говорами.

Разрешение противоречия в данном случае видится в том, что название *Соломбала* отражает языковое состояние, близкое к прасаамскому (**lōmb-*).

В целом эта картина свидетельствует, во-первых, о значительной пестроте саамских говоров нижнего Подвинья. Во-вторых, во многих случаях при этимологизации субстратных топонимов нижедвинского региона оказались высоко значимыми прасаамские или очень редкие, «осколочные», изолированные саамские данные, что с очевидностью указывает на древнейший возраст части саамского субстрата низовий Двины. Неудивительно, что многие саамские следы в Подвинье были заметно стерты или «перекрыты» позднейшей прибалтийско-финской топонимией, однако на этой территории есть и следы позднего саамского присутствия. Это справедливо, по меньшей мере, для двинской дельты и бассейна р. Лая, где, кроме топооснов, отмечаются сохранившиеся саамские форманты, а также микротопонимический саамский субстрат.

Саамская топонимия западной части региона (Летний берег, низовья Онеги) также отличается наличием смешанных черт, отражающих, с одной стороны, диалектные особенности кильдинского и терского типов, с другой стороны – колтского. В сравнении с нижним Подвиньем для этой территории выявляются две фонетические особенности: 1) *y* в качестве рефлекса прасаам. **ō* (ср.: двинское *Оногра*, *Лодьма*, *Соломбала* – онежское *Уна*, *Луда*, *Лумбушка*); 2) *u* ~ саам. *ea* ~ прасаам. **ε* (напр. *Нижм-* ~ *něäʃm^e*, *Чиньг-* ~ *tséaŋg*, *tséaŋ^ska*). Первая особенность может объясняться, в частности, близостью саамских говоров субрегиона к кильдинскому диалекту, что подтверждают известные здесь топонимы на *-Vnц* и ряд апеллятивных параллелей. В то же время вторая особенность ведет к предположению о том, что по некоторым чертам вокализма отдельные саамские наречия низовий Онеги отличались от всех ныне известных восточно-саамских диалектов, но были похожи на наречия «лопарей» соседней Беломорской Карелии.

О том, что в некоторых микрорайонах низовий Онеги с этими саамскими группами русское население могло контактировать самым непосредственным образом, свидетельствует весьма обширный микротопонимический субстрат:

восходящие к саамским источникам названия возвышенностей, покосов, полей, речных мысов, ручьев, участков рек и болот, порогов, небольших заливов, морских островов.

Таким образом, роль саамского компонента в топонимии Архангельского Поморья в целом оказывается более значимой, чем это представлялось ранее. При том, что многие саамские названия региона (прежде всего гидронимы) относятся, вероятно, к субсубстратному пласту, в Поморье выделяется несколько микрозон, в которых, согласно этимологическим и иным данным, саамские названия указывают на непосредственный характер и относительно недавнее завершение русско-саамского взаимодействия.

В четвертом разделе рассматривается вопрос о пермском компоненте топонимии Архангельского Поморья. В предшествующих работах этот вопрос отличался полной неопределенностью: наличие пермских следов обычно допускалось исследователями теоретически, особенно в низовьях Северной Двины и восточнее, однако не подтверждалось сколь-либо убедительными этимологическими разработками.

Согласно результатам данного исследования, топонимы пермского происхождения в Поморье не только присутствуют (в целом более 50), но и – в восточной части региона – образуют комплекс достаточно плотных смежных микроареалов. Наиболее определенно пермские топонимические следы выражены в трех зонах Поморья: 1) в Северном Примезенье; 2) на территории Зимнего берега; 3) в междуречье Кулоя и Северной Двины. Эти ареалы различаются некоторыми лингвистическими характеристиками, что позволяет предполагать, во-первых, разную степень участия пермян в их освоении, во-вторых – разное время начала и завершения русско-пермского контактирования.

В Северном Примезенье следы присутствия пермского (коми-зырянского) населения особенно многочисленны. На уровне топонимического субстрата их представляют прежде всего основы микротопонимов: **Бур-** ~ к.-зыр. *бур* ‘хороший’; **Вер-** ~ к.-зыр. *вөр* ‘лес’; **Лун-** ~ к.-зыр. *лун* ‘южный’; **Тиль-** ~ к.-зыр. *тіль* ‘болотистое место с низкорослым сосняком; густые заросли сосняка; густой

молодой хвойный лес'; **Шуки-** ~ к.-зыр. *сюкӧсь* 'квас', общеперм. **s'ukos'* и др. В целом эти и иные топонимические факты свидетельствуют о том, что в Северном Примезенье коми-зырянское население было достаточно многочисленным. Основываясь на преобладании микротопонимических коми-зырянских следов, возможно предполагать, что коми-русское взаимодействие завершилось в этом субрегионе относительно поздно. О времени его начала судить сложнее, однако характерное для низовий Мезени сравнительно небольшое число пермских гидронимов свидетельствует, видимо, о том, что коми-зыряне были здесь вторичным населением по отношению к саамам, т. е. осваивали регион либо одновременно с русскими, либо незадолго до них.

Вторая из названных зон – Зимний берег – характеризуется преимущественно гидронимическими свидетельствами пермского присутствия, представленного в названиях **Бармас** ~ к.-зыр. *пармас* 'лесной'; **Нырзанга** ~ к.-зыр. *нырзбыны* 'закисать, закиснуть'; **Оттома** ~ к.-зыр. *оттӧм* 'узкий'; **Рома** ~ к.-зыр. *рӧмыд* 'сумрачный'; **Това** ~ к.-зыр. *тӧв* 'зима'; **Ульмица / Ульмеца** ~ к.-зыр. *уль* 'сырой, влажный, мокрый' и устар. *мӧс* 'источник; исток; приток' и др. Приуроченность пермских топонимов Зимнего берега преимущественно к рекам, а также сравнительно низкая плотность пермского субстрата очевидно обусловлены характером освоения этой территории, служившей местом сезонных промыслов и огромным по протяженности оленеводческим кочевьем. О хронологической глубине промыслово-хозяйственного освоения этой территории судить трудно, однако как по лингвистическим, так и по историческим данным возможно полагать, что пермские названия Зимнего берега являются в целом более древними, чем рассматривавшиеся выше топонимы Северного Примезенья.

В квалификации пермских топонимических следов наиболее сложна третья из названных зон: междуречье Северной Двины и Кулоя. На этой территории, с одной стороны, отмечается ряд топонимов, которые соотносятся с «живыми» коми-зырянскими данными, ср.: **Вождором** / **Воджеромка** ~ к.-зыр. *водж* 'зимняя рыболовная запруда из кольев' и *ӧрӧм* 'старое русло'; **Келда**, **Келдозе-**

ро ~ к.-зыр. *кельдны* ‘бледнеть; светлеть’, *кельыд* ‘светлый’; *Ырзеньга* / *Эрзеньга* ~ к.-зыр. *ырзъыны* ‘реветь, громко плакать’, ‘кричать, орать, вопить’, *эрзъыны* ‘гоготать без удержу, громко смеяться’ и др. С другой стороны, некоторые гидронимы междуречья Двины и Кулоя (*Вель*, *Олма*, *Шунушера*) соотносятся с весьма древними коми данными, что заставляет вспомнить гипотезу Шегрена, согласно которой зыряне, некогда продвинувшиеся вниз по Двине вплоть до Белого моря, затем отступили на восток под натиском финского и русского населения. Гидронимические реликты междуречья Двины и Кулоя подтверждают эту гипотезу, однако малочисленность топонимических следов указывает, видимо, на значительную давность пермской миграции.

Таким образом, по отношению к восточной части Архангельского Поморья возможно говорить о хронологически различных пластах пермской топонимии. К наиболее древнему пласту могут относиться гидронимы Зимнего берега и междуречья Двины и Кулоя, тогда как Северное Примезенье, скорее всего, осваивалось пермским населением относительно поздно.

В пятом, заключительном разделе главы этноисторические итоги исследования подводятся по субрегионам с выходом на проблемы стратификации топонимического субстрата. Согласно этим итогам, в **низовьях Северной Двины** перед приходом русского населения проживали древние саамы (несколько групп, имеющих диалектные различия), древние пермяне, карелы и неизвестный ныне прибалтийско-финский этнос, который в языковом отношении характеризовался рядом архаических черт. В «русскую» эпоху освоение этого региона финно-угорским населением продолжалось – его представляли довольно многочисленные карелы и, возможно, отдельные группы коми-зырян – мигрантов из других областей Русского Севера. На территории **Летнего берега** дорусским населением являлись саамы и прибалтийские финны, которые, видимо, были представлены не только карелами, но и (в восточной части субрегиона) тем же неизвестным древним прибалтийско-финским этносом, что и в низовьях Северной Двины. Однако, судя по отсутствию на Летнем берегу микротопонимических саамских и «чудских» следов, это население было либо очень быстро

ассимилировано русскими и карелами, либо вытеснено с территории Летнего берега в другие зоны Поморья. **Низовья Онеги**, как можно судить по фактам гидронимии, первоначально были освоены саамами; прибалтийские финны могли быть их предшественниками лишь на относительно небольшой территории, прилегающей к рекам Вонгуда – Мудьюга – Кодина (правобережье Онеги). По всей видимости, к приходу русских прибалтийско-финское население нижнеонежского субрегиона включало не только карел, но и финнов, которые могли мигрировать в эту зону и в дальнейшем. Что касается саамов, то они, согласно топонимическим данным, перед появлением на нижней Онеге оседлого русского населения были уже частично ассимилированы прибалтийскими финнами, однако в юго-западной части Онежского полуострова и на Поморском берегу саамские этнические группы дольше сохраняли свою целостность и некоторое время проживали одновременно с русскими. Наиболее древним финно-угорским населением **Зимнего берега** и **Северного Примезенья** являлись саамы, близкие в языковом отношении к носителям нынешних кильдинского и терского диалектов. В отдельных зонах названных субрегионов русскому населению могли предшествовать также коми-зыряне, однако по преимуществу коми-зырянское население осваивало эти субрегионы одновременно с русскими. То же можно сказать о прибалтийских финнах – сравнительно слабые в восточной части Поморья прибалтийско-финские следы оставлены, видимо, карелами, которые, как со своей стороны подтверждают и исторические документы, были здесь малочисленны и появились сравнительно поздно.

В **заключении** кратко формулируются наиболее общие результаты работы. Отмечается, что на материале Архангельского Поморья в диссертации представлен один из первых опытов анализа субстратной топонимии крупного региона РС. При традиционной для исследований подобного рода этноисторической направленности в диссертации решен ряд взаимосвязанных методических и лингвистических задач, связанных как с упрочением этимологической базы данной работы, так и с перспективой будущих региональных исследований.

В методическом отношении диссертация основывается на принципах основанной А. К. Матвеевым Уральской топонимической школы. В то же время предлагаемая в исследовании методика содержит некоторые новационные черты, связанные прежде всего с воссозданием региональной идеографической основы этимологического поиска и, соответственно, с повышением роли семантико-типологических данных в аргументации этимологий. Решение этих задач осуществляется в работе двумя путями: с одной стороны, факты регионального финно-угорского субстрата последовательно соотносятся с данными исконно русской топонимии, представленными в виде апеллятивно-идеографической классификации; с другой стороны, во всех возможных случаях региональные субстратные топонимы сопоставляются с аналогичными названиями, которые известны на смежных собственно финно-угорских территориях.

Этимологический анализ субстратного материала, проведенный в работе по этой методической модели, позволил получить достаточно разноплановые лингвистические выводы, имеющие как прикладную, так и теоретическую значимость. К наиболее существенным лингвистическим результатам исследования возможно отнести следующие:

- истолкование значительного числа ранее не рассматривавшихся финно-угорских субстратных названий, а также некоторых детерминантов и формантов;
- выявление топонимического корпуса семантико-типологических соответствий, связывающих русский язык и языки субстрата;
- характеристика ряда идиосемантических черт субстратной топонимии финно-угорского происхождения;
- выявление ряда диалектных особенностей языков субстрата.

На основе лингвистических результатов в работе дана подробная характеристика этноязыковых пластов субстратной топонимии региона, не только подтверждающая, но и во многих отношениях расширяющая имевшиеся ранее представления о финно-угорских сообществах, населявших в прошлом Архангельское Поморье. В конечном итоге в исследовании воссоздается детализиро-

ванный фрагмент лингвоэтнической карты Русского Севера, отражающий состав и локализацию групп финно-угорского населения Поморья на период, предшествовавший их обрусению.

Завершающая диссертацию справочная часть включает **библиографический список** (181 наименование), **список сокращений**, а также **приложения**: 7 карт и алфавитный указатель региональных субстратных топонимов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах:

1. *Кабинина Н. В.* Семантическое моделирование и проблемы этимологизации регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) / Н. В. Кабинина // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 68. 2009. № 2. – С. 48–53.
2. *Кабинина Н. В.* Топонимические реликты нижнего Подвинья (*Лодьма, Оногра, Соломбала*) / Н. В. Кабинина // Вопросы языкознания. 2009. № 1. – С. 111–117.
3. *Кабинина Н. В.* Древние финно-угорские топонимы нижнего Подвинья (*Вождоромы, Матигоры, Цигломень*) / Н. В. Кабинина // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. Вып. 12. – С. 249–252.
4. *Кабинина Н. В.* Прибалтийско-финское топонимическое наследие Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Май, 2011. № 3 (116). – С. 77–81.
5. *Кабинина Н. В.* Значение русских именных компонентов в исследовании регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) / Н. В. Кабинина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). – С. 81–89.

6. *Кабинина Н. В.* Пермское топонимическое наследие Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2(14). – С. 7–14.
7. *Кабинина Н. В.* Метафорические названия в субстратной топонимии Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). – С. 17–24.

Монография:

8. *Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. – 342 с.

Другие публикации:

9. *Кабинина Н. В.* Названия птиц в русской топонимии дельты Северной Двины / Н. В. Кабинина // Проблемы региональной русской филологии: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Вологда, 1995. – С. 117–119.
10. *Кабинина Н. В.* К изучению субстратной топонимии дельты Северной Двины / Н. В. Кабинина // Русская диалектная этимология: тез. докл. Второго науч. совещ. 17–19 апреля 1996 г. – Екатеринбург, 1996. – С. 19.
11. *Кабинина Н. В.* Топонимия дельты Северной Двины по историческим источникам XV–XIX вв. / Н. В. Кабинина // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 75–83.
12. *Кабинина Н. В.* Этимологическая интерпретация субстратных топонимов и внелингвистические сведения / Н. В. Кабинина // Русская народная культура и ее этнические истоки: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Москва, 1999. – С. 23–25.
13. *Кабинина Н. В.* Топонимия прибалтийско-финского происхождения в дельте Северной Двины / Н. В. Кабинина // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 36–48.

14. *Кабинина Н. В.* К этимологии субстратного географического термина *казамус* / Н. В. Кабинина // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 154–156.
15. *Кабинина Н. В.* Древние финно-угры на территории дельты Северной Двины по данным топонимии / Н. В. Кабинина // Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: м-лы междунар. науч. конф. – Сыктывкар, 2000. – С. 173–175.
16. *Кабинина Н. В.* Промысловая лексика в топонимии дельты Северной Двины / Н. В. Кабинина // Известия Уральского государственного университета. Вып. 4. – Екатеринбург, 2001. – С. 85–87.
17. *Кабинина Н. В., Теуш О. А.* Древнерусский язык. Учебные задания и таблицы / Н. В. Кабинина, О. А. Теуш. – Екатеринбург, 2002. – 59 с. (вклад автора – 50 %).
18. *Кабинина Н. В., Матвеев А. К., Мищенко О. В., Теуш О. А.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А – И) / Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 142 с. (вклад автора – 20 %).
19. *Кабинина Н. В.* Субстратные гидронимы на *-курья* в дельте Северной Двины / Н. В. Кабинина // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. ст. Вып. 5. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 3–10.
20. *Кабинина Н. В.* Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Мезенского района Архангельской области / Н. В. Кабинина // Ономастика в кругу гуманитарных наук: м-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 112–114.
21. *Кабинина Н. В.* О происхождении гидроформанта *-жма* / *-зьма* в субстратной топонимии Русского Севера / Н. В. Кабинина // Вопросы ономастики. 2008. № 5. – С. 105–108.

22. *Кабинина Н. В.* Ономатопозетическая лексика в субстратной топонимии Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина // Вопросы ономастики. 2008. № 6. – С. 75–82.
23. *Кабинина Н. В.* К этимологии севернорусского *поча* / Н. В. Кабинина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: м-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 108–109.
24. *Кабинина Н. В.* Субстратная гидронимия бассейна реки Немнюга (Мезенский район Архангельской области) / Н. В. Кабинина // Вопросы ономастики. 2009. № 7. – С. 14–20.